

A.A. Nemirovsky

From various sources (especially from Thutmose IV chariot-inscription, EA 9: 19–30, EA 76: 11–16 and EA 255: 8–25) it can be seen that Kassite Babylonia of Amarna period had a vast section of common border with Egyptian possessions in Asia while Middle Euphrates region (Hana-Mari) and even Tadmor were under a strong political control of Babylonian kings. This control spread to Hana-Mari (formerly Mitannian) region already in the times of Karaindash I (c. 1415 B.C.) and can be dated back to the period of Thutmose III successful Mitannian war, while the annexation of Tadmor can be connected with the well-known Sutean conquests of Kadashman-Harbe I (Chronicle P, I: 5–9, which informs us about his conquest of Hehe Mountains (localised there in the Northern Palmyrene) and the so called Erra-epos, which can be proved to concern mainly this period).

On the contrary, EA 16: 37–41, EA 200: 7–17 and Assyrian sources of late XIV – middle XIII cc. B.C. give us a picture of deep penetration of the nomads, including Akhlamaens/Aramaeans, in Upper Mesopotamia, Southern Syria (Pa-Aramu among Merneptah's possessions) and Syrian Steppes. These changes can be explained by the Akhlamaean-Aramaeon migration at the end of Amarna period, which had destroyed the Western empire of Kassite dynasty and led its close relations with Pharaohs to a sudden end. Nevertheless Hana-Mari region was retained by Babylonia, – only to become an object of Assyrian-Babylonian struggle under Adadnērari I.

© 1999 г.

## ПРЕДЫСТОРИЯ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ: КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ И СИНЬЦЗЯНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ\*

На 10 000 км от Дуная до Великой Китайской стены протянулся пояс степей Евразии. Это была зона, по которой на протяжении тысячелетий распространялись товары, инновационные технологии, новые религиозные представления и образы искусства и, наконец, расселились отдельные этнические группы, определявшие процессы этногенеза различных народов, в том числе – индоевропейских. Поэтому изучению культуры степей особое значение придавали и А. Тойнби, и глава новой французской исторической школы Ф. Бродель, видевший в степи бикфордов шнур, по которому взрыв шел от Германии до Китая. Скорее пояс степей можно назвать «приводным» ремнем цивилизации Старого Света, способствовавшим диффузии важнейших культурных достижений Евразии.

Особое значение в процессе культурного обмена имел путь, который в 1878 г. Ф. Рихтхофен<sup>1</sup> назвал Шелковым путем. Он соединял Китай как с Европой, так и с Передней Азией и Индией.

На основании анализа китайских хроник и свидетельств античных авторов Плиния

---

\* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 96-01-00132. Статья представляет собой переработанный вариант доклада, прочитанного 14.04.1996 г. на Международной конференции «Люди бронзового и раннежелезного века на Востоке Центральной Азии» (Филадельфия).

<sup>1</sup> *Richtshöfen F.* Bemerkungen zu den Ergebnissen von Oberstleutenant Przewalski's Reise nach dem Lopnor und Altyn-tagh. В., 1878. Древнейший за пределами Китая фрагмент шелковой ткани найден в Узбекистане на древнеземледельческом поселении Сапалли, датированном началом II тыс. до н.э. (*Аскаров А.* Сапаллитепе. Ташкент, 1973. С. 133 сл.).

(Натуральная история. VI. 53–54), Дионисия<sup>2</sup>, Птолемея (География. VI. 15, 1–3; 16, 1–8; VIII. 24) усилиями ученых нескольких поколений<sup>3</sup> установлено, что Шелковый путь шел на север от оз. Лобнор через Кучу и Карашар вдоль гор Тянь-Шаня и по р. Тарим до Кашгара, через перевал Терекдыван в Фергану и далее или по Сырдарье и по степи на Южный Урал, Нижнюю Волгу и в Северное Причерноморье или из Ферганы в Самарканд и на переправу через Амударью (Окс) и, наконец, в Иран и Переднюю Азию. Южная дорога шла от оз. Лобнор вдоль северных склонов гор Куэнь Луна вдоль р. Яркенд до Ташкурмана в Вахан на Памире и через перевалы на Мерв или на юг в Индию через Гилгит и Кашмир в Гандхару, заканчиваясь в устье Инда<sup>4</sup>. Существовал и отрезок южного пути из Вахана через Каракорумский хребет в Сват и далее по Инду<sup>5</sup>. Предполагаемый путь по Памиру через Каратаг и Каратегин<sup>6</sup> менее вероятен ввиду крайней трудности дороги.

Начало использования Шелкового пути относят к античной эпохе, когда из Китая на Запад экспортировали шелк, в Китай же поступали нефрит из Хотана, стеклянные изделия из Средиземноморья, лошади и меха от степных кочевников. Однако эта трасса функционировала и в более раннее время. О дальней транзитной торговле в скифских степях в V в. до н.э. писал Геродот (VII.23). Этот путь шел из Танаиса на Дону до Урала и Алтая<sup>7</sup>. Еще в 1897 г. П. Рейнке<sup>8</sup> показал наличие контактов от Причерноморья до Китая в VII–VI вв. до н.э. на основании единства искусства звериного стиля. О связях свидетельствуют находки изделий из китайских хлопковых и шелковых тканей в Пазырыке, бронзовых зеркал в Пазырыке, Минусинске, Восточном Казахстане<sup>9</sup>.

В настоящее время несомненно, что начало функционирования отдельных участков пути восходит к эпохе бронзы. По одному отрезку этой трассы из Бадахшана в Переднюю Азию и Индию с III тыс. до н.э. вывозили лазурит<sup>10</sup>. Экспортировали также бирюзу из Согда. Импортированные из Бактрии и Согдианы бусы найдены в могильниках пастушеских племен II тыс. до н.э. в Приуралье – в Синташте и Ушкатте лазуритовые, в Алабуге бирюзовые, в Гурдуше около Бухары лазуритовые,

<sup>2</sup> Müllerus C. Geographi Graeci minores. V. 2. P., 1864.

<sup>3</sup> Ritter K. Die Erdkunde von Asien. Bd 7. 1837; Григорьев В.В. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1873; Tomaschek W. Über die arimaspsische Geschichte des Aristes // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philologisch-historische Klasse. T. 116. 1888; Berthelot A. L'Asie ancienne Centrale et Sud-Orientale d'après Ptolémée. P., 1930; Stein A. Sand-buried Ruins of Khotan. L., 1904; idem. Serindia. V. 1–5. Oxf. 1921; idem. Innermost Asia. V. 1–3. Oxf., 1928; Herrmann A. Lou-Lan. China, Indien und Rom im Lichte der Ausgrabungen am Lobnor. Lpz., 1931; Markwart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938; Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад, 1957; Мурзаев Э.М. Средняя Азия. М., 1957; Shiratori Kurakiti. On the Ts'ung-ling Traffic Route Described by C. Ptolemaios // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. Tokyo, 1957; Петров М.П. Пустыни Центральной Азии. Т. 1–2. М., 1966–1967; Humbach H. Historisch-geographische Noten zum sechsten Buch der Geographie des Ptolemaios // Jahrbuch des Römisch-germanischen Zentralmuseums. Mainz, 1972; Hulswé A., Loewe M. China in Central Asia. The Early Stage: 125 B.C. – A.D. 23 // Sinica Leidensia. V. 14; L., 1979; Пьянков И. Восточный Туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан. Т. 1. М., 1988. С. 190–222; Лубо-Лесниченко Е.И. Великий Шелковый путь // Восточный Туркестан. Т. 1. М., 1988. С. 352–391.

<sup>4</sup> Мандельштам. Материалы... С. 43; Лубо-Лесниченко. Великий Шелковый путь. С. 364 сл. Карта 10.

<sup>5</sup> Jetmar K. Neue Felsbilder und Inschriften in Nordgeirgen Pakistan. Bonn, 1980.

<sup>6</sup> Пьянков. Восточный Туркестан... С. 218 сл.

<sup>7</sup> Hudson G. Europe and China. L., 1930. P. 37; Членова И.Л. Предыстория торгового пути Геродота // СА. 1983. № 1.

<sup>8</sup> Reineke K. Über einige Beziehungen der Altertümer Chinas zu denen des skytisch-sibirischen Völkerkreises // Zeitschrift für Ethnologie. 1897. T. 29. S. 141–173.

<sup>9</sup> Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975; Rubinson K. Mirrors on the Fringe: Some Notes // Source. V. IV. 2/3. 1985. P. 46–50.

<sup>10</sup> Сараниди В.И. О Великом Лазуритовом пути на Древнем Востоке // Краткие сообщения Института археологии. 1968. 114.

агатовые, бирюзовые в форме мальтийского креста и даже в Сибири (Ростовка), бирюзовые, в Сопке II в форме мальтийского креста<sup>11</sup>.

В III тыс. до н.э. возник нефритовый путь: нефрит, добывавшийся в Хотане и Яркенде, доставлялся в Китай, где его широко использовали уже в культуре Луншань<sup>12</sup> и особенно в эпоху Чжоу. В эпоху бронзы устанавливаются связи Китая с Забайкальем, где в районе месторождений нефрита найдены глиняные триподы типа ли, датированные рубежом II–I тыс. до н.э.<sup>13</sup>. Во II тыс. до н.э. нефрит становится известен в Средней Азии и пастушеским племенам в степях<sup>14</sup>. Бусы из нефрита (или из его имитаций?) найдены в андроновских могильниках на Урале – в Алакуле, Ушкатте, в Казахстане – в Айшраке, Канае, в Сибири – в Ростовке<sup>15</sup>.

Изучение взаимоотношений Китая со степями Евразии имеет принципиальное значение для решения проблемы происхождения цивилизации в Китае. Китайские археологи отстаивают гипотезу автохтонного развития культуры. Большинство же европейских и американских исследователей полагают, что блестящий взлет китайской культуры в эпоху Инь обусловлен появлением трех важнейших инноваций – колесного транспорта, domestикации лошади и металлургии, распространившихся под влиянием западного импульса. Эта гипотеза была высказана М. Лером и С.В. Киселевым<sup>16</sup> и поддерживается сегодня<sup>17</sup>. Рассмотрение деталей аргументации сторон находится вне моей компетенции. Важно лишь подчеркнуть, что все три инновации предстают в Аньяне уже в очень развитой форме, предполагающей многовековое предшествующее развитие, не выявленное пока в Китае.

Исследование контактов со степью важно также для решения вопроса о происхождении тохар. Лингвистами, изучающими тохарский язык и индоевропейскую проблему, доказана принадлежность тохарских языков А и В к индоевропейским и установлено раннее отделение прототохарского языка<sup>18</sup>. Однако время прихода тохар в Восточный Туркестан с прародины неизвестно. Судя по письменным памятникам, тохарский В оставался разговорным языком в V–X в.в. н.э., когда тохарский А стал уже мертвым языком религиозных текстов. К началу нашей эры относятся тохарские лексемы в индийских текстах, написанных на пракритах, что служит *terminus ante quem* прихода тохар в Синьцзян.

Путь тохар с запада на восток по степям аргументируется наличием многочисленных сходжений тохарского с финно-угорскими языками, носители которых во II тыс. до н.э. обитали на юге лесной зоны Евразии. Прослежены также контакты тохарского языка с восточноиранскими языками, распространенными в степях и в Средней Азии. Для решения этих проблем ключевое значение имеет анализ археологических материалов Синьцзяна.

Археологические исследования ранних памятников в Восточном Туркестане нача-

<sup>11</sup> Кузьмина Е.Е. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии // ВДИ. 1988. № 2. С. 35–59.

<sup>12</sup> Willets W. Chinese Art. L., 1965.

<sup>13</sup> Окладников А.П. Триподы за Байкалом // СА. 1959. № 3. С. 114–132.

<sup>14</sup> Ртвеладзе Э. Нефритовые изделия в Средней Азии // Наследие предков. Душанбе. 1995. № 2. С. 14.

<sup>15</sup> Кузьмина. Культурная и этническая атрибуция... С. 52.

<sup>16</sup> Loer M. Ordos Daggers and Knives // *Artibus Asiae*. 1949. P. 23–83; *idem*. Chinese Bronze Age Weapons. L., 1956; Киселев С.В. Неолит и бронзовый век Китая // СА. 1960. № 4.

<sup>17</sup> Fitzgerald-Huber L. Qijia and Erlitou: The Question of Contacts with Distant Cultures // John King Fairbank Centre for East Asian Research. 1995. P. 1–16; Linduff K. The Many Worlds of China // Korean Ancient Historical Society. Seoul. V. 5. P. 405–441; *idem*. Zhukaigou, Steppe Culture and the Rise of Chinese Civilisation // *Antiquity*. 1995. V. 69. № 262. P. 133–145.

<sup>18</sup> Sieg E., Siegling W. Tocharische Grammatik. Göttingen. 1931; Pedersen H. Tocharisch vom Gesichtspunkt der Indo-europäischen Sprachvergleichung. Kopenhagen. 1941; Krause W. Westtocharische. Bd 1. Das Verbum. Heidelberg. 1952; Тохарские языки. М., 1959; Windekens A. van. Le Tokharian confronté avec les autres langues indo-européennes. Louven, 1976; Ivanov V.V. Tocharian and Ugrian // *Studia Linguistica Diachronica et Synchronica*. В. – N.Y., 1985; Иванова В.В. Памятники тохароязычной письменности // ВТ. Т. II. С. 222–270.

ли в первой половине XX в. А. Стейн, Хуан Веньби, Ф. Бергман<sup>19</sup>. Они ограничивались сбором случайных материалов, оставшихся не систематизированными и не датированными. С 50-х годов «Группа по охране и изучению памятников материальной культуры Синьцзяна» начала систематические исследования на широкой территории. Однако многослойные памятники в Синьцзяне малочисленны, полученные радиоуглеродным методом, даты, единичны. Это препятствовало созданию хронологической шкалы культур Синьцзяна и интерпретации исторического процесса, приводя некоторых исследователей к заключению об отставании культурного развития региона<sup>20</sup>. Попытку классифицировать некоторые опубликованные китайскими исследователями материалы на основании аналогий со Средней Азией предприняли Е.В. Антонова, К. Дебен-Франкфор, К. Йеттмар, Е.Е. Кузьмина, С.В. Хаврин; сопоставление памятников Синьцзяна с крашеной керамикой с культурой Чуста в Фергане провел Ю.А. Заднепровский. Он же первым обратил внимание на сходство курительницы и сосудов раннего комплекса разновременного могильника Кэрмуци у границ России с керамикой афанасьевской культуры Сибири, что потом получило подтверждение<sup>21</sup>. Большое значение имела также проведенная в Монголии в 1992 г. конференция, посвященная культуре древних северных народов Китая.

Принципиально новый этап в изучении культуры Синьцзяна начался с открытием могильников, в которых найдены уникальные захоронения мумифицированных людей европеоидного антропологического типа. Такие погребения были впервые открыты в районе оз. Лобнор. Хуан Веньби признал их сакскими<sup>22</sup>. Позже могильники с мумиями были выявлены и в других районах Синьцзяна<sup>23</sup>.

Самым древним, по-видимому, является могильник Гумугоу к западу от оз. Лобнор, открытый в 1979 г. и исследовавшийся под руководством Ван Биньхуа<sup>24</sup>. На песчаной площадке второй надпойменной террасы реки Кончедарья раскопано 42 могилы. Они имеют деревянную обкладку стен, перекрыты деревом и шкурами и содержат по

<sup>19</sup> Stein. Serindia; *idem*. Innermost Asia; Huang Wenbi. The Exploration around Lob-Nor. 1930–1934. Peking. 1948; Bergman F. Archaeological Researches in Sinkiang // RENWE. V. 7. 1939.

<sup>20</sup> Chang Kwang Chin. The Archaeology of Ancient China. New Haven. 1967.

<sup>21</sup> Антонова Е.В. Бронзовый век // ВТ. Т. I. С. 136–155; Debain-Francfort C. Archéologie du Xinjiang des origines aux Han. I, II // Paléorient. 1988. V. 14. № 1. P. 5–29; 1989. V. 15. № 1. P. 183–213; Jettmar K. Cultures and Ethnic Groups West of China in the Second and First Millenium B.C. // Asian Perspectives. 1985. V. XXIV. № 2. P. 145–162; *idem*. Archäologie in Xinjiang und ihre Bedeutung für Südsibirien // Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. 1992. № 12. S. 139–153; Кузьмина Е.Е. Три направления культурных связей андроновских племен // Северная Евразия в эпоху бронзы и раннего железа. СПб., 1992. С. 43–45; *она же*. Откуда пришли индоарии? М., 1994. С. 241 сл.; Хаврин С.В. Памятники андроновской культуры на территории Северного Китая // СЕ. С. 45 сл.; Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.–Л., 1962. С. 67, 107, 196; *он же*. Фергана и Тарим // Лавровские чтения. СПб., 1994. С. 18 сл.; *он же*. Древние бронзы Синьцзяна (КНР) // Древности. 1992. 3. С. 120; *он же*. Культурные связи населения эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири и Синьцзяна // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. II. СПб. 1993; Семенов В.А. Древнейшая миграция индоевропейцев на Восток // Археологический вестник. Вып. 4. СПб. 1993. С. 26; Молодин В.И., Алкин С.В. Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Новосибирск. 1997. С. 35–38; Chen K., Hiebert F. The Late Prehistory of Xinjiang in Relation to its Neighbors // Journal of World Prehistory. V. 9. 1995. P. 243–300.

<sup>22</sup> См. прим. 19. Stein. Innermost Asia. V. 1. P. 264–266; Bergman. Archaeological Research...; Wang Binhua. Recherches historiques préliminaires sur les Saka du Xinjiang ancien // Arts Asiatiques. 1987. V. XLII. P. 42.

<sup>23</sup> Hadingham E. The Mummies of Xinjiang // Discovery. 1994. P. 68–70; Kamheri D. The Three Thousand Years Old Chärchän Man Preserved at Zaghunluq // Sino-Platonic Papers. 1994. V. 44. P. 1–15; Mair V. Prehistoric Caucasoid Corpses of the Tarim Bassin // JIES. 1995. V. 23. № 3–4. P. 281–307; *idem*. Mummies of the Tarim Bassin // Archaeology. 1995. V. 48. № 2. P. 28–35; Bower B. Indo-European Pursuits // Science News. 1995. V. 147. № 8. P. 120–125.

<sup>24</sup> Kaogu. 1982. P. 662; 1983. P. 658; 1986. P. 361–384; Debaine-Francfort. Archéologie du Xinjiang... I. P. 15 f; Кучера С. Новые достижения археологов и антропологов КНР // Общество и государство в Китае. 1988. Т. XIX/2. М. С. 3–14; Jettmar. Archäologie in Xinjiang... S. 141; Han Kangxin. The Study of Ancient Human Skeletons from Xinjiang, China // Sino-Platonic Papers. V. 51. 1994.

одному погребению (одно из них парное и одно тройное). Некоторые погребения обозначены на поверхности вертикальными столбами. Одна могила окружена семью кругами, умершие лежат вытянуто на спине головой на восток. Благодаря засушливому климату сохранились войлочные островерхие колпаки, кожаные сапоги и шерстяные ткани. В мешочке положены ветки эфедры. В могилах найдены также деревянные блюда и палка-жест (?), остатки металлических изделий из чистой меди, в том числе колечко, трубчатые бусы из кости и нефрита, костяные булавки, каменная двусторонне обработанная стрела с древком из камыша и каменная и деревянные антропоморфные фигурки. Найдены зерна злаков двух сортов и рога и кости принесенных в жертву домашних животных – козы, овцы, быка, а также кости верблюда и оленя, муфлона, птиц. Полученные данные позволяют реконструировать хозяйство как комплексное земледельческо-скотоводческое с сохранением роли охоты. Единство погребального обряда указывает на отсутствие социальной дифференциации.

Хронология памятника вызвала разногласия у китаистов, его датировали от 4000 г. до н.э. до ханьской эпохи. Радиоуглеродные даты дают большой разброс, но если отбросить две крайних, то шесть дат ложатся в интервале 1710–1535 гг. до н.э. (или 2030–1815 гг. до н.э. по калиброванным датировкам). Хань Кансинь исследовал 18 черепов из могильника. Все они принадлежат к европеоидной расе. Первоначально китайские исследователи выделяли в могильнике две группы погребений: более древние в могилах без деревянных конструкций, с долихокранными черепами, и стратиграфически более поздние, с которыми связаны кольцевые оградки, где найдены мезокранные черепа. На основании классификации В.П. Алексеева Хань Кансинь сопоставлял первую группу с черепами афанасьевской культуры Сибири, вторую – с черепами андроновской культуры.

В.П. Алексеев<sup>25</sup> показал, что европеоидный комплекс признаков в эпоху неолита и бронзового века был характерен для населения Западной Сибири, Тувы, Монголии и Восточного Туркестана. Восточную границу расселения европеоидов составляли горы Нан-Шань и Алтын-таг, а Тибет был исконной территорией монголоидов.

Что касается краниологической серии Гумугоу, то В.П. Алексеев подчеркнул, что принадлежность к протоевропеоидному комплексу несомненна, но дифференцировать андроновские и афанасьевские черепа невозможно. В последней публикации Хань Кансинь<sup>26</sup> признал «гомогенность индивидов», отнес их все к протоевропеоидному типу, характерному для «населения бронзового века Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии и даже для степного Поволжья».

Какова же культурная и этническая принадлежность населения, оставившего могильник Гумугоу? Отсутствие керамики – главного определяющего культуру признака – делает невозможным окончательный ответ на этот вопрос. Анализ костюма, находящего аналогии в комплексе одежды саков, в частности в Пазырыке, привел Ван Биньхуа к выводу о принадлежности их к сакской культуре, К. Дебси-Франкфор справедливо отнесла памятник к эпохе бронзы, а Е.Е. Кузьмина<sup>27</sup> показала, что представленный в Гумугоу костюм характерен для андроновской культуры. Андроновский костюм состоял из кафтана, брюк, сапог, шапок и островерхих колпаков. Одежду изготовляли из войлока, кожи и меха<sup>28</sup>. Известны также шерстяные ткани, вытканые полотняным и диагональным переплетением, аналогичные тканям Восточной Европы и Дании эпохи бронзы. Та же техника ткачества установлена

<sup>25</sup> Алексеев В.П. Антропологический очерк населения древнего и раннесредневекового Восточного Туркестана // ВТ. Т. II. М., 1992. С. 389–394.

<sup>26</sup> *Hang Kangxin. The Study...*

<sup>27</sup> Wang Binhua. Recherches historiques... P. 42; *Debaine-Francfort. Archéologie du Xinjiang...* P. 15; Кузьмина. Откуда пришли индоарии? С. 241.

<sup>28</sup> Сосновский Г.П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири // Проблемы истории докапиталистических обществ. Т. 2. 1934. С. 92–96; Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. С. 14. 72; Кузьмина. Откуда пришли индоарии? С. 156–162; Глушкова Т.Н. Удельный вес ткачества в системе древнейших производств // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. I. Омск 1992. С. 118–119.

Е. Барбер и И. Гуд для Синьцзяна<sup>29</sup>. Это существенно, так как лексика, связанная с ткачеством, относится к древнейшему индоевропейскому наследию<sup>30</sup>. Комплекс одежды сложился в энеолитическую эпоху: кожаные сапоги и войлочная шапка обнаружены в погребениях ямной культуры. Изображения островерхих колпаков известны на памятниках искусства Сибири, относящихся к афанасьевской культуре<sup>31</sup>.

В круге культур степей Евразии находят аналогии черты погребального обряда Гумугоу. Сооружение кольцевых, в том числе концентрических, оград известно в культурах ямной, афанасьевской, андроновской. Для этих культур характерны могилы с деревянным, реже каменным перекрытием, подстилки из тростника или бересты, жертвоприношение голов и ног домашних животных.

Однако специфические черты сходства погребального обряда Гумугоу прослеживаются не с андроновской, а с афанасьевской культурой. Для андроновской культуры типично погребение умерших скорченно на левом боку головой на запад, а для афанасьевской же обычно положение костяков вытянуто, чаще с поднятыми коленями, ориентированных в одних памятниках на запад, в других на восток, особенно на Алтае (могильник Куям). С. Цыб считает восточную ориентировку ранним признаком. Ограды круглые, на Алтае часто концентрические из двух колец, сделанных из уложенных плашмя камней, из вертикально вкопанных плит или из бревен (могильник Курота)<sup>32</sup>.

Важное значение для хронологической и культурной атрибуции Гумугоу имеет находка металлических предметов, кованных из чистой меди, что характерно для афанасьевской культуры, где известны немногочисленные листовидные ножи, шилья, копье, браслеты, серьги. В андроновской же культуре были распространены металлические изделия из бронзы с высоким содержанием олова. На афанасьевских памятниках находит аналогии другой инвентарь Гумугоу. Это медное колечко, деревянные сосуды, каменная стрела, костяные и нефритовые бусы, иглы, шилья, лопаточки, каменные или деревянные жезлы, саван (но не из войлока, а из бересты).

Хозяйство афанасьевцев реконструируется как комплексное, сочетающее земледелие, скотоводство, охоту. В могилах обнаружены кости быка, овцы, лошади, а также диких животных: зубра, оленя, косули, кабарги, лисы и птиц – беркутов. Афанасьевская фауна соответствует найденной в Гумугоу.

Особенностью Гумугоу являются находки костей верблюда. Двугорбый верблюд-бактриан (*camelus bactrianus*) был domestцирован в Южной Туркмении в III тыс. до н.э. и использовался для запряжки в грузовые повозки с цельными колесами<sup>33</sup>. Позже он распространился в Узбекистане и Казахстане, о чем свидетельствуют изображения на петроглифах. Древнейшие находки костей верблюда на поселениях, ритуальные

<sup>29</sup> Barber E. A Weaver's Eye View of the Second Millenium Tarim Bassin Finds // JIES. 1995. V. 23. № 3–4. P. 347–355; Good J. Notes on a Bronze Age Textiles from Xinjiang with Comments on the Significance of Twill // JIES. 1995. V. 23. № 3–4. P. 319–345; Mair. Prehistoric Caucasoid Corpses... P. 281–307.

<sup>30</sup> Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. С. 383.

<sup>31</sup> Липский А.М. Новые данные по афанасьевской культуре // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 276 сл.

<sup>32</sup> Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1949. С. 14–40; Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б. Афанасьевская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. I. С. 159–165; Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. С. 16; Цыб С.В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980: *оп. же.* Афанасьевская культура Алтая. Автореф. дис.

В могильнике абашевской культуры Пикцик на Волге начала II тыс. до н.э. открыты могилы с деревянными срубам и деревянным плакатом, окруженные прямоугольными и круглыми концентрическими оградами из вырых столбов, высотой 1,5 м (Мерперт Н.Я. Абашевские курганы Северной Чувашии // МИА. 1961. № 97. С. 143–146. Рис. 19). Деревянные надмогильные конструкции известны также на андроновских могильниках (раскопки автора) и Юрман (Сашин Д.Г., Бобров В.В. Курганы андроновской культуры могильника Юрман I в Западной Сибири // Археологические вести. СПб., 1994. № 4).

<sup>33</sup> Kuzmina E.E. Stages in the Development of Wheeled Transport in Central Asia during the Aeneolithic and Bronze Ages // Soviet Studies in History. 1983. T. XXII. № 1–2. P. 96–142.

захоронения и изображения в пластике известны в андроновской культуре, но есть спорные указания на находки костей верблюда в афанасьевской<sup>34</sup>. Другая особенность остеологических материалов – отсутствие костей лошади. Однако кони есть в других могильниках Синьцзяна, известна также находка цельного колеса, составленного из трех частей<sup>35</sup>. Подобные колеса от повозок многочисленны в памятниках ямной культуры<sup>36</sup>, и, судя по изображениям, повозки с цельными колесами были известны афанасьевцам.

Эти факты позволяют высказать гипотезу об отнесении могильника Гумугоу к афанасьевской культуре. Однако отсутствие в могилах каменных конструкций, охры и керамики не позволяет считать гипотезу доказанной. Но в Синьцзяне есть бесспорные афанасьевские памятники: могильники Кэрмуци в уезде Алтай и Туцю в районе Урумчи, где найдена афанасьевская керамика.

Неоднократно отмечалось вероятное сходство с афанасьевской лепной керамики с геометрическим орнаментом, нанесенным зубчатым штампом, происходящей из сборов А. Стейна на р. Яркенд<sup>37</sup>. Коллекция из Синьцзяна хранится в Музее антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге, но фрагменты керамики недостаточно выразительны. Обращает внимание также находка в афанасьевском могильнике Тесь курильниц с красной росписью и сосуда с белой росписью в виде лесенок, обрамленных треугольниками<sup>38</sup>. Но аналогии этому мотиву среди расписной керамики Восточного Туркестана и Китая мне неизвестны. Если гипотеза об участии афанасьевского населения в формировании культуры Гумугоу будет в дальнейшем подтверждена, это позволит решить важнейшие проблемы этногенеза Старого Света.

К. Йеттмар сопоставил материалы Гумугоу с могильником Ордекс, где выявлены могилы с конструкцией стен и перекрытия из дерева, оградами из деревянных столбов, а также антропоморфных статуй. Аналогичны черепа европеоидного типа, костюм, эфедр. Найдены зерна злаков (просо, ячмень). К. Йеттмар на основании этого признал население тохарским; Д. Мэллори высказал гипотезу о тохарской принадлежности носителей афанасьевской культуры, отметив наличие в тохарском языке индоевропейских терминов, связанных с земледелием, скотоводством, колесным транспортом, датируемых III тыс. до н.э., и находящиеся археологические эквиваленты в афанасьевской культуре; Э. Паллибленк сделал акцент на древних индоевропейских заимствованиях в китайском языке (пшеница, ячмень, конь, колесо, повозка, колесница, пасту) и культуре (обряд жертвоприношения домашних быка, овцы и коня) и связал их с тохарским влиянием, признав древнейшими тохарами носителей афанасьевской культуры и погребенных в Гумугоу<sup>39</sup>.

Абсолютное отличие антропологического типа афанасьевцев от древнего населения Сибири и полное их сходство с создателями ямной культуры побудило Г.Ф. Дебеца еще в 1948 г. высказать гипотезу о миграции афанасьевцев с запада. Эта точка зрения была поддержана С.В. Киселевым и др., поскольку афанасьевская культура не находит истоков в неолите Сибири, в то время как антропологический

<sup>34</sup> Кузьмина Е.Е. Древнейшая фигурка двугорбого верблюда // СА. 1963. № 2. С. 38–46; она же. Откуда пришли индоарии? С. 203.

<sup>35</sup> Mair. Prehistoric Caucasoid Corpse...

<sup>36</sup> Piggott S. The Earliest Wheeled Transport from the Atlantic Coast to the Caspian Sea. L., 1983; Кузьмина. Stages of Development of Wheeled Transport...; eadem. Stages of Development of Stock-Breeding and the Ecology of the Steppes in the Light of Archaeological and Palaeozoological Data // The Archaeology of the Steppes. Napoli. 1994. P. 31–71; она же. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма. I // ВДИ. 1996. № 2. С. 73–85; Избицер Е.В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа. СПб., 1993. Автореф. дис.

<sup>37</sup> Киселев. Древняя история... С. 36; Антонова. Бронзовый век. С. 150.

<sup>38</sup> Киселев. Древняя история... С. 20. Табл. III, 28.

<sup>39</sup> Jettmar K. Cultures and Ethnic Groups West of China in the Second and First Millennium B.C. // Asian Perspectives. 1985. XXIV. 2; Mallory J. Speculations on the Xinjiang Mummies and Studies on the Origin of the Tocharians // The Journal of Indo-European Studies. V. 23. № 3–4. 1995; Pulleyblank E. Early Contacts between Indo-Europeans and Chinese // International Review of Chinese Linguistics. V. 1. № 1. 1996. P. 1–24.

тип и многие черты погребального обряда, инвентаря и особенно керамики имеют соответствия в ямной культуре<sup>40</sup>. Последняя сформировалась на местной основе в южнорусских степях и в III тыс. до н.э. занимала территорию от Дуная до Урала (калиброванные даты позволяют отнести культуру к первой половине III тыс. до н.э.). В последние годы энеолитические комплексы, сопоставимые с ямными, выявлены также на промежуточной территории азиатских степей к востоку от Урала, что подтверждает вероятность миграции<sup>41</sup>.

Памятники афанасьевской культуры локализуются на Алтае, на Енисее, а также в Туве и Западной Монголии<sup>42</sup>. Они датируются второй половиной III – началом II тыс. до н.э. (радиоуглеродные даты дают большой разброс). Некоторые могильники расположены в глубинных районах степи и на высокогорьях, что свидетельствует о зарождении подвижных форм скотоводства.

Лингвисты, исследующие проблему происхождения индоевропейцев, даже по-разному локализуя первоначальную прародину, рассматривают территорию европейских степей как важный центр индоевропейского этногенеза<sup>43</sup>. Это дает основание связать движение групп ямных племен на восток в III тыс. до н.э. с расселением индоевропейцев и высказать гипотезу, что мигранты были прототохарами, рано отделившимися от общности.

Существенно отметить, что, наряду с преобладающим ямным компонентом, в афанасьевской культуре Алтая отмечается воздействие северо-кавказского варианта катакомбной культуры, о чем свидетельствует распространение курильниц<sup>44</sup>. Катакомбная культура охватывала территории на восток вплоть до Волго-Уралья<sup>45</sup>.

Сочетание ямных и катакомбных особенностей выявлено также в культуре Заман-Баба в Бухарском оазисе. Е.Е. Кузьмина и Б.А. Литвинский уже высказывали гипотезу об индоевропейской и, возможно, прототохарской атрибуции заман-бабинцев<sup>46</sup>.

<sup>40</sup> Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М., 1948; Киселев С.В. Неолит и бронзовый век Китая // СА. 1960. № 4; Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник. Т. 3. 1961. С. 107–206; Грязнов, Вадецкая. Афанасьевская культура. С. 105; Цыб С.В. Ранняя группа афанасьевских памятников...; он же. Афанасьевская культура на Алтае; Посредников В.А. О ямных миграциях на восток и афанасьевско-прототохарская проблема // Донецкий археологический сборник. Донецк, 1992; Саинов Д.Г., Бобров В.В. Афанасьевская культура // Древние культуры Бертековской долины. Барнаул, 1994. С. 130–135.

<sup>41</sup> Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. 1968. Автореф. докт. дис.; он же. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского Междуречья. М., 1974; он же. Абашевские курганы...; Потемкина Т.М. Работы Тобола-Иртышского отряда // Археологические открытия 1977. М. 1978. С. 273; Ломин В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской обл. // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда. 1989. С. 34–36.

<sup>42</sup> Зимин В.М. Афанасьевское погребение из Тувы // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966; Мимонова Н.Н. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // Международный конгресс по монголисту. Т. III. Улан-Батор, 1979; Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989; Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М., 1979.

<sup>43</sup> Schrader O. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Jena, 1907; idem. Die Indogermanen. Lpz. 1935; Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958; Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 3–4; Diakonov I.M. Two Recent Studies of Indo-Iranian Origins // JAOH. 1996. P. 474–477; Гамкрелидзе, Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы; Mallory J. In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. N.Y., 1989; Renfrew C. Archaeology and Language. L., 1987.

<sup>44</sup> Цыб. Ранняя группа...; Ковалев А.А., Резепкин А.Д. Курильницы из дольменов в урочище Клады и проблема происхождения афанасьевской культуры // Проблемы изучения окуневской культуры. СПб., 1995. С. 16–20.

<sup>45</sup> Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индо-иранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977; Малов Н.М., Филиппенко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. СПб., 1995. № 4. С. 52–62.

<sup>46</sup> Кузьмина. Е.Е. Могильник Заман-Баба // СЭ. 1958. С. 24–33; Литвинский Б.А. Бронзовый век // История таджикского народа. Т. 1. Душанбе, 1963. С. 127 сл. Глиняная статуэтка и медные булавки из Заман-Баба составляют отдаленную аналогию деревянной фигурке и костяным булавкам из Гумугоу (ср. Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскаров А. Первобытная культура в низовьях Зерафшана. Ташкент, 1966. Табл. V, 4, 5; XVI – Debaine-Francfort. Archéologie du Xinjiang... Pl. I, 5, 6).



Взаимодействие в процессе формирования культур афанасьевской и Заман-баба двух генетически разных типов культур – ямной и катакомбной может объяснить выявленные в прототохарском контакты с разными группами индоевропейских языков. Миграции в степях, по-видимому, были вызваны демографическими причинами (ростом населения) и усугублены климатическим кризисом – аридизацией климата<sup>47</sup>. Часть ямных племен, вступив в контакт с катакомбниками, продвинулась на восток, одна группа отделилась и двинулась на юг. В результате взаимодействия с местными племенами сложилась культура Заман-баба, вступившая в контакт с земледельческим населением Бактрии и Маргианы. Другая группа продвинулась на Алтай и далее в Туву и Западную Монголию. С этой же миграционной волной, возможно, связано появление в Синьцзяне европеоидного населения Гумугоу. Если данная гипотеза получит подтверждение, это позволит отнести время появления тохар в Восточном Туркестане к рубежу III–II тыс. до н.э. и поддержит предположение лингвистов о приходе тохар в Восточный Туркестан ранее иранцев, а также их связи с финно-уграми<sup>48</sup>. Эта гипотеза подтверждается устойчивостью в Синьцзяне антропологического типа и костюма до появления исторических тохаров.

Следующий этап развития пастушеских культур в степях связан с андроновской культурой, сформировавшейся в XVIII–XVI вв. до н.э. (XX–XVIII вв. до н.э. по калиброванным датам) в лесостепи между Волгой, Доном и Уралом. Андроновским племенам принадлежат четыре важнейших инновации:

1. Они научились плавить руду, изготавливать сплав меди с оловом – бронзу (более твердую, чем медь) и отливать из нее втульчатое оружие. Рудной базой были богатые месторождения Урала.

2. Для охраны района рудников на Южном Урале впервые в степях были построены укрепленные поселения – протогорода – центры металлургии<sup>49</sup>.

3. Андроновцы изобрели легкие боевые колесницы, запрягавшиеся парой коней. Древнейшие в Старом Свете погребения воинов-колесничих открыты на Волге и на Урале. Умершие похоронены вместе с набором вооружения, колесницей и конями<sup>50</sup>.

4. Для запряжки в колесницы впервые в мире были выведены элитные быстрые легкие кони. К ним восходят современные породы ахалтекинская, арабская и английская<sup>51</sup>.

Эти инновации сделали андроновские племена непобедимыми и позволили им расселиться на восток – в Казахстан, Киргизию, Южную Сибирь и на юг вплоть до Амударьи. Благодаря богатству месторождений Урала, Казахстана и Алтая андроновские племена стали крупнейшими металлургами Евразии. Их продукция распространялась на запад до Днепра и на юг до Южной Туркмении.

Древнейшие свидетельства проникновения раннеандроновских металлургов и колесничих в Среднюю Азию – это поселение литейщиков Тугай, где совместно найдена керамика соседнего поселения Саразм и раннеандроновская петровского типа, и

<sup>47</sup> Kuzmina. Stages of Development of Stock-Breeding...

<sup>48</sup> Burrow. T. Tocharian Elements in Kharosthi Documents // JRAS. 1955. T. 7; Pulleyblank E. Chinese and Indo-European // JRAS. 1966. № 1–2. P. 9–39; Ivanov, V.V. Tocharian and Ugric. Гипотеза Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова (Индоевропейский язык и индоевропейцы) о миграции тохар из Передней Азии не подтверждается ни археологическими, ни антропологическими данными.

<sup>49</sup> Батанина И.М. Дистанционные методы при археологических исследованиях в заповеднике Аркаим // Россия и Восток. Т. 2. Челябинск, 1995. С. 105 сл.; Аркаим. Челябинск, 1995.

<sup>50</sup> Смирнов, Кузьмина. Происхождение индо-иранцев...; Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988; Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск, 1992; Кузьмина. Откуда пришли индоарии?; Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индо-иранских племен. Самара, 1994; Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья. Самара, 1995.

Радиоуглеродные даты – XX–XIX вв. до н.э. (Anthony D., Vinogradov N. Birth of the Chariot // Archaeology. 1995. № 482. P. 36–41) – не согласуются с европейской хронологической шкалой.

<sup>51</sup> Цалкин В.И. Фауна из раскопок андроновских памятников // Основные проблемы териологии. М., 1972; Кошалева В.Б. Конь и всадник. М., 1976; Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культура коня у народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 28–52.

погребение Зардча–Халифа, где в Бактрийско–Маргианском Комплексе присутствуют раннеандроновские костяные псалии и бронзовые удила<sup>52</sup>. Установились также связи на восток вплоть до Восточного Туркестана. Древнейшим изделием является, возможно, булава с биспиральной головкой из случайных находок в Лоу-Ланс<sup>53</sup>. Центром происхождения этих украшений был район юго-восточной части Прикаспия, где они обнаружены в культуре Намазга IV в середине III тыс. до н.э. и бытовали на протяжении II тыс. до н.э.<sup>54</sup>. Ближайшая территориально к Синьцзяну находка происходит из клада Хак в Фергане, датируемого рубежом III–II тыс. до н.э., и из могильника Тулхар в Таджикистане. Изредка этот тип встречается на памятниках культур андроновской (Боровое) и тазабагыяб в Хорезме (Кокча 15). Ввиду широкого хронологического и географического распространения этого типа украшений время и место происхождения экземпляра из Синьцзяна не могут быть установлены без спектрального анализа.

Население Синьцзяна XV–IX вв. до н.э. было европеоидным, но принадлежало к различным антропологическим типам<sup>55</sup>. Археологические памятники представлены *тепе* – поселениями земледельцев и стоянками скотоводов; погребальные обряды и керамика очень разнообразны: это указывает на сложный характер этногенеза в Восточном Туркестане, где сменялись и частично сосуществовали различные по генезису группы европеоидного населения.

На многих памятниках найден металл. Поселение Ксинтала – наиболее раннее. Дата по C<sup>14</sup> – около 1500 г. до н.э. Это *тепе* с двумя культурными слоями. В нижнем слое найдена расписная керамика вместе с посудой с геометрическим гребенчатым орнаментом. Поскольку я не могла ознакомиться с этой керамикой *de visu*, не могу судить и о ее культурной принадлежности. В нижнем слое найдены медный однолезвийный нож, шило и каменная литейная форма шила. На поверхности поселения встречены кельт с валиками, втульчатая двулопастная стрела, шило, фрагмент ножа. На поверхности поселения найдены кельт, втульчатая стрела, шило, фрагмент ножа.

В могильнике Кециркекья группы Вупи около Хами (дата по C<sup>14</sup> – 1350–1000 г. до н.э.) найдены втульчатое долото, стрела, зеркало с выступающей ручкой и бусы, нашитые на сапоги. В могильнике Яньбулак той же группы Хами (дата по C<sup>14</sup> – 1110–525 г. до н.э.) часть умерших принадлежит к антропологическому типу Гумугоу; там найдены однолезвийные ножи, различные стрелы, в том числе втульчатые двулопастные, шилья, бусы, височное кольцо, круглые бляшки с петелькой и плоская с пунсонным орнаментом, зеркало с ручкой-петелькой. На поселении Ланшувань группы Наньвань (дата по C<sup>14</sup> – 1335 ± 75 г. до н.э.) обнаружены кельт, нож с кольцевым навершием и большой литой котел; в могильнике Наньвань (дата по C<sup>14</sup> – 1050 г. до н.э.) – кельт, ножи, стрела, шило, зеркало с центральным выступом, серьги, бусы. На поселении Халахеджо в Турфане (дата по C<sup>14</sup> – 945–1000 г. до н.э.) найдены серп, шилья, стрела с треугольной головкой; на поселении Караходжа в Турфане – стрела. На поселении Акстала на западе Синьцзяна обнаружен нож с прямой спинкой, отлитый из бронзы, содержащей 1,2% олова. Интересна находка в Алтайском районе в могильнике Кэрмуци вне раннего комплекса бронзового ножа и двух каменных литейных форм для отливки шила и тесла или кинжала и изготовления кельта-лопатки с круглой выступающей втулкой с валиком и петелькой<sup>56</sup>. В Восточном

<sup>52</sup> Бостонгулар С. Верховья Зерафшана во II тыс. до н.э. Душанбе 1998. С. 56–63; Avanesova N. Pasteurs et agriculteurs de la vallée du Zeravshan au début de l'âge du bronze // Lyonnet B. Sarazm (Tadjikistan) Céramiques. P. 1996. С. 117–124.

<sup>53</sup> Bergman F. Hedin's Lou-Lan Finds // BMFEA. 1935. Т. 7. Pl. XIV, 3.

<sup>54</sup> Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966. С. 78–80. Табл. XVII, 7, 27–29.

<sup>55</sup> Han Kangxin. The Study of Ancient Human Skeletons... Map. 1.

<sup>56</sup> Антонова Е.В. Несколько заметок о первобытной археологии Синьцзяна // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1982. С. 57; она же. Бронзовый век. С. 149; Кучара С. Ранняя история Синьцзяна: неолит – начало века металла // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984. С. 42. Возможно, к андроновским строительным традициям восходит архитек-

Туркестане известны также случайные находки металлических изделий. Кельт и стрела или дротик обнаружены в Лоу-Лане Сяном Гедином, асимметричный кельт – в Синьяне, кельт-лопатка – в Урумчи<sup>57</sup>.

Наибольший интерес представляет клад Агершень (Гонглиу). Он найден в 1975 г. на глубине 1 м<sup>58</sup> и включает три вислобушных топора, три серпа, пять долот и один кельт-молоток, по сообщению Ань Джиминя также три тесла с уступом. Первоначально клад был отнесен ко времени воюющих царств, к развитому железному веку. Ван Бинхуа датировал его ранним бронзовым веком и синхронизировал его с могильником Гумугоу. К. Дебен-Франкфор отметил возможность синхронизации с андроновской культурой, но отнесла его к сакской эпохе. Сопоставление бронз из Синьцзяна с андроновскими позволяет уточнить их хронологию и происхождение.

Втульчатые дротики и стрелы появляются в андроновской культуре в XVII в. до н.э., развиваются до позднебронзовой эпохи, и на их основе формируются стрелы сакской эпохи. Для земледельцев Китая, Бактрии, Маргианы и Чуста в Фергане втульчатые стрелы не характерны. Экземпляры из Ксинтала и Керсана ближайшиe аналогии находят в позднеандоновских памятниках Казахстана и Ферганы<sup>59</sup>, датировемых рубежом II–I тыс. до н.э.

Кельты появляются в комплексах Турбино-Сейма (XVII–XV вв. до н.э.) и развиваются до сакской эпохи. Экземпляры из Лоу-Лана, Агаршеня, Ксинталы с овальной втулкой с литым валиком могут быть датированы эпохой поздней бронзы (XIII–IX вв. до н.э.) по аналогии с кельтами из клада Садовое и Шамши в Киргизии<sup>60</sup>. Кельт четырехгранный асимметричный из Синьяна сходен с орудием из Регара в Таджикистане, датированным эпохой поздней бронзы<sup>61</sup>. Кельты-лопатки из Урумчи и Наньваня относятся к орудиям, центр производства которых был в Фергане и Киргизии и датируются эпохой поздней бронзы<sup>62</sup>. Кельт-лопатка литейной формы Кэрмуци представляет развитие этого исходного типа (для китайских кельтов-лопаток характерна квадратная втулка); тесла с уступом Агершеня аналогичны экземплярам кладов Сукулук, Садовое, Алексеевский, Шамши. Миниатюрный кельт-молоток из клада Агершень находит аналогии в Киргизии в кладах Садовое и Шамши<sup>63</sup>.

На многих памятниках Синьцзяна найдены долота. Втульчатое долото с литым валиком на втулке из Агершеня относится к типу, характерному для позднеандоновских комплексов и представленному в кладах Алексеевское, Садовое, Сукулук, Шамши, Туюк<sup>64</sup>.

Три вислобушных топора из Агершеня принадлежат к специфически андроновскому типу, известному по всему арсалу культуры. Основные находки концентрируются в Восточном Казахстане, Семиречье и Фергане, включая Сукулук, Шамши, Иссык-Куль, Алексеевку, Турксиб<sup>65</sup>. Топоры из Агершеня, Алексеевки, Сукулука украшены сходным литым орнаментом.

Три массивных серпа из Агершеня относятся к типу серпов-косарей, распространенных от Волги до Западной Сибири. Большая часть находок происходит из Восточ-

---

тура поселения Лапшоувань, где выявлено большое двухчастное жилище площадью 200 м<sup>2</sup> со стенами, сложенными из камешных блоков, опорными столбами и круглым очагом.

<sup>57</sup> *Debaine-Francfort. Archéologie du Xinjiang...* Fig. 9, 3, 5; *Bergman. Hedin's Lou-Lan Finds. Pl. XVI, 1, 7.*

<sup>58</sup> *Debaine-Francfort. Archéologie du Xinjiang...* P. 200. Fig. 20. Pl. II, 5, 6.

<sup>59</sup> Кузьмина. Металлические изделия... С. 33–37. Табл. VI, 11.

<sup>60</sup> Кузьмина. Металлические изделия... С. 22. Табл. IV, 13; она же. Откуда пришли индоарии? Рис. 31.

<sup>61</sup> Кузьмина. Металлические изделия... С. 23. Табл. IV, 7.

<sup>62</sup> Там же. С. 24 сл. Табл. V.

<sup>63</sup> Там же. Табл. IV, 8; она же. Откуда пришли индоарии? Рис. 43а, 18.

<sup>64</sup> Кузьмина. Металлические изделия... С. 26. Табл. III, 3–5; она же. Откуда пришли индоарии? Рис. 43а, а.

<sup>65</sup> Кузьмина. Металлические изделия... С. 11–15. Табл. II; она же. Откуда пришли индоарии? Рис. 43а; Алатесона Н.А. К вопросу о вислобушных топорах андроновского культурного массива // Вопросы археологии, древней истории и этнографии Узбекистана. Самарканд. 1978.

## Корреляция типов металлических изделий в кладях Синьцзяна и Семиречья

Клад	Топор	Долото	Серп	Молоток
Агершень	+	+	+	+
Шамши	+	+	+	+
Турксиб	+	+	+	+
Алексеевка	+	+	+	
Сукулук	+	+		
Садовое		+		+

ного Казахстана, Киргизии и Семиречья, в том числе из кладов Алексеевка, Турксиб и Шамши<sup>66</sup>.

Таким образом, большинство бронз Синьцзяна находит аналогии в Восточном Казахстане, Семиречье и Киргизии, где обнаружены клады, в которых сочетаются одни и те же типы предметов, что позволяет их синхронизировать. Полную аналогию кладу Агершень составляет комплекс клада Шамши (табл. 1).

Хронология кладов устанавливается на основании: 1) вещей, имеющих короткий диапазон бытования (например, бритвы из Шамши), аналогичных европейским; 2) находок представленных в кладях предметов и литейных форм для их изготовления на поселениях с керамикой с наlepным валиком (например, литейной формы топора в Кайрак-Кумах). Это позволяет датировать клады XIII–IX вв. до н.э., что подтверждают даты по C<sup>14</sup> памятников Синьцзяна. Найденные в Восточном Туркестане украшения не противоречат выводам.

В могильнике Кециркекья (1350–1000 гг. до н.э.) бронзовые бусы украшали сапоги. Этот обычай был распространен в андроновской культуре. В том же памятнике найдено зеркало с выступающей ручкой. Этот тип известен в Киргизии в кладях Сукулук, Садовое и Шамши и в Фергане на поселениях культуры Чуст<sup>67</sup>. Зеркало с ручкой-петелькой происходит с поселения Яньбулак (1110–525 гг. до н.э.). Аналогии ему известны на позднеандроновских памятниках по всему ареалу, в том числе в Киргизии. Это помогает решить проблему генезиса зеркал в Китае<sup>68</sup>.

Итак, в XIII–IX вв. до н.э. в Синьцзяне получают распространение металлические изделия, центр производства которых находится в Семиречье, где в эпоху бронзы сформировался самостоятельный металлургический очаг. Он входил в металлургическую провинцию, включавшую всю евразийскую степь от Дуная до Алтая, но его продукция отличалась наличием некоторых специфических типов изделий и особым составом сплавов, указывающим на использование местной рудной базы. Успехи в металлургии в конце II тыс. до н.э. привели в степях к выделению группы специалистов – ремесленников-металлургов, работавших на продажу. Вероятно, усиление контактов было вызвано важными экологическими и историческими изменениями в Азии в эпоху поздней бронзы.

В восточном Туркестане несомненно существовала самостоятельная металлургия, что доказывается находками литейных форм в Кэрмуци и Ксинтала и наличием древних выработок на медь. Однако определяющим при формировании металлообработки в Синьцзяне было воздействие с запада семиреченского металлургического очага, что аргументируется типологическим и технологическим составом продукции. Распространение в Синьцзяне западных типов металлических изделий могло быть результатом, во-первых, поэтапного обмена, во-вторых, прихода отдельных кланов

<sup>66</sup> Кузьмина. Металлические изделия... С. 54–56. Табл. XI, 22, 24, 25; она же. Откуда пришли индоарии? Рис. 43а.

<sup>67</sup> Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. С. 68. Табл. XXX, 4, 5; Кузьмина. Металлические изделия... С. 68. Табл. XIII, 1, 4, 6, 8, 9; она же. Откуда пришли индоарии? Рис. 43а.

<sup>68</sup> Juliano A. Possible Origins of the Chinese Mirror // Source. 1985. V. IV. № 111. P. 6–31.

семиреченских мастеров-литейщиков, наконец, миграции на восток групп позднеандроновского населения.

Резкое похолодание и увлажнение климата заставило часть андроновского населения отказаться от комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства и перейти к подвижному скотоводству с сезонной сменой пастбищ. Это позволило освоить новые экологические ниши: высокогорья Тянь-Шаня и Памира и пустыни Центральной Азии. Условием перехода к номадизму послужило освоение верховой езды и увеличение роли лошади. Всадники со стрелами и копьями защищали свои стада. Началась социальная дифференциация, появились богатые семьи, владевшие скотом и металлом. При военной опасности ценные металлические изделия закапывали в землю. Это клады, найденные в Семиречье. Таким же кладом является комплекс Агершень в Синьцзяне.

Важные инновации в культуре, экологический кризис и поиск новых земель привели к этническим передвижениям в степях. Возможно, в это время группы скотоводов из Киргизии продвинулись в Синьцзян, где на границах с оазисами были земли, пригодные для скотоводства<sup>69</sup>. Вероятно, с этой волной связано увеличение роли коня в культурах Синьцзяна. Кости лошади найдены на многих памятниках (Ширенци, Караходжа, Ланшуванди, Вупу). Известны также находки деревянных псалив с отверстиями и других частей конской сбруи, аналогичные позднеандроновским<sup>70</sup>.

Поскольку большинство исследователей считает создателей андроновской культуры индоиранцами, есть основания связать этническую волну из Киргизии в Синьцзян в XIII–IX вв. до н.э. с продвижением иранского населения, выявленным лингвистически.

Связи Синьцзяна и Средней Азии в эпоху поздней бронзы несомненно носили двусторонний характер, о чем свидетельствуют находки нефрита в Чусте. Возможно, генезис культуры крашеной керамики – Чуст в Фергане, Бургулюк в Ташкентском оазисе, Яз I, Кучук, Тилля в Маргиане и Бактрии – был связан с воздействием культур Синьцзяна. Все эти культуры характеризуются одинаковыми типами зернотерок, каменных серпов и ножей и их бронзовых имитаций, а также керамикой с геометрическим орнаментом черной росписью по красному фону (Чуст) или коричневой росписью по светлому беловатому фону (Яз I), однако характер культурных взаимодействий и направление культурных импульсов остаются дискуссионными и нуждаются в тщательном изучении<sup>71</sup>.

Установление начала контактов степных племен с востоком по трассе Шелкового пути с рубежа III–II тыс. до н.э. позволяет вернуться к проблеме происхождения китайской цивилизации. Культура столицы царства Инь Аньяна характеризуется тремя важными инновациями – распространением лошади, конных колесниц, металлургии.

Китай не входил в зону обитания дикого предка лошади, и она не могла быть здесь одомашнена. В свете хромосомной теории дикая лошадь Пржевальского, обитавшая в Синьцзяне, также не была предком домашней. Им был тарпон, водившийся в степях от Дуная до Казахстана<sup>72</sup>. В этой зоне лошадь была domesticiрована в конце

<sup>69</sup> Петров. Пустыни Центральной Азии.

<sup>70</sup> Jettmar. *Archäologie in Xinjiang...* S. 142 f.; Кузьмина. Откуда пришли индоарии? С. 186–188. Рис. 39, 42.

<sup>71</sup> Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.–Л., 1959; *Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы; он же. Фергана и Тарим; он же. Бронзовый век Синьцзяна; Кизитина Е.* «The Vactrian Mirage» and the Archaeological Reality // EW. 1976. V. 29. № 1–2; Антонова. Бронзовый век.

<sup>72</sup> Бибикова В.И. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы // Бюллетень Московского общества испытателей природы. 1967. Т. XXII. № 3; 1970. Т. XXV. № 5; Цалкин. Древнейшие домашние животные...; Кузьмина. Распространение коневодства...; Bokonyi S. The Role of the Horse in the Exploitation of Steppes // The Archaeology of the Steppes. Napoli, 1994. Вопреки мнению М. Гимбутас. Д.Я. Телегина и Д. Антони (*Gimbutas M. The First Wage of Eurasian Steppe Pastoralists into Copper Age Europe // JIES. 1947. № 5.4. P. 277–338; Telegin D. Dereivka. A Settlement and Cemetery of Copper Age Horse keepers on the Middle Dnieper. Oxf., 1986; Anthony. Horse, Wagon and Chariot...*), хотя пастухи, пасшие табуны коней, ездили верхом, но они не были всесокрушающими воинами-всадниками, так как узда для строгого контроля верхового копы и набор вооружения стали использовать только на рубеже II–I тыс. до н.э., что и определяет появление военного всадничества.

IV– начале III тыс. до н.э. и сложился культ этого животного, что доказывается ритуальными захоронениями головы и ног лошадей и их изображениями в искусстве (культовые комплексы в Дериевке, Съезжей, Хвалынске, изображения в Суворовской, Липовом Овраге и др.). В III тыс. до н.э. домашняя лошадь известна в ямной культуре от Дуная до Урала и в афанасьевской культуре в Сибири<sup>73</sup>. Первоначально лошадь использовалась не как транспортное средство, а как мясное животное.

В середине III тыс. до н.э. в степях стал использоваться колесный транспорт, изобретенный в Передней Азии. Тяжелые повозки с цельными колесами запрягались парой быков<sup>74</sup>. В XVII–XVI вв. до н.э. в степях были изобретены легкие колесницы с колесами со спицами. В них запрягали пару лошадей элитной породы. Древнейшие в мире захоронения колесниц и взнузданных коней открыты на Волге и Урале, о чем уже говорилось. Распространение колесниц на древнем Востоке относится к середине II тыс. до н.э. и связано с приходом группы индоиранцев в Митанни<sup>75</sup>.

Знакомство с лошастью и колесницей в Китае по лингвистическим данным также произошло в результате заимствования у тохар или, более вероятно, у индоиранцев, о чем свидетельствуют название лошади и связанные с конем мифологические представления<sup>76</sup>.

Это подтверждает предположение о появлении коня и колесницы в Китае с запада<sup>77</sup> и дает возможность пересмотреть проблему возникновения китайской цивилизации и роли северо-западного пастушеского населения евразийских степей в этом процессе. При этом особое внимание должно быть обращено на анализ связей с культурой киджа и другими периферийными культурами Китая, для чего новейшие исследования дают богатую источниковую базу<sup>78</sup>.

*Е.Е. Кузьмина*

THE PREHISTORY OF THE SILK ROAD: CONTACTS BETWEEN  
THE POPULATION OF EURASIAN STEPPES AND XINJIANG  
IN THE BRONZE AGE

*Ye.Ye. Kuzmina*

The part played by Eurasian steppes in the international and intercultural contacts in the Old World was acknowledged by ancient Greek authors as well as Chinese scientists. In particular, there is a vast amount of literature devoted to the Silk Way and its important functions (transmission of goods, innovative technologies, new religious and artistic conceptions, as well as migration of specific ethnic groups). Its origins are usually attributed to the 2nd century B.C.; however, both linguistic and archaeological data allow us to suggest that certain parts of it had been functioning since even earlier times.

Linguists have proven the Indo-European character of Tocharian; yet, the exact period of Tocharian migration to East Turkistan is unknown. The fact that Tocharian has some elements common to Finno-Ugrian languages (the Finno-Ugrian tribes inhabited the Southern forests of Eurasia in the 2nd millennium B.C.), as well as to East Iranian ones, speaks in favour of a migration from west to east.

<sup>73</sup> Кости лошади найдены в афанасьевских могильниках Афанасьево, Черновая VI, Летник VI, Красный Яр, Малые Колпани, Тенсей X, Кулом, Бикс.

<sup>74</sup> Piggott. The Earliest Wheeled Transport...; Кузьмина. Откуда пришли индоиранцы? Избицер. Погребения с повозками...

<sup>75</sup> Mayrhofer M. Die Indo-Aryer in Alten Vorderasien. Wiesbaden, 1966; Кузьмина. Откуда пришли индоиранцы?

<sup>76</sup> Подианов В.А. Статьи по общему языкознанию. М., 1968; Pulleyblank. Chinese and Indo-Europeans; Dewall M. von. Pferd und Wagen in Fruhen China. Bonn, 1964; Izushi J. Temba Ko (The Horse of the Sun in Chinese Tradition and Western Horses of Han Period) // Toyo gakuho. Tokyo, 1930. V. 18. P. 346–387.

<sup>77</sup> Dewall. Pferd und Wagen...; Piggott S. Chinese Chariotry: an Outsider's View // Art in Eurasian Steppelands. L., 1978. V. 4. P. 32–49; Кузьмина. Распространение коневодства...; Kuzmina. Stages of the Development of Wheeled Transport...; Shaughnessy E. Historical Perspectives on the Introduction of the Chariot into China // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1988. V. 48. № 1. P. 189–237.

<sup>78</sup> Fitzgerald Huber L. Qijia and Erlitou: the Question of Contacts with Distant Cultures // John King Fairbank Center for East Asian Research. Boston, 1995. P. 1–16.

The comparison of Xinjiang archaeological data with the Eurasian steppe complexes proves the existence of cultural and ethnical contacts between these regions beginning from the Aeneolithic and Bronze Age. Some of the most ancient evidence of these contacts is provided by the burial complex Gumugou near the lake Lob-nor. Anthropological evidence, as well as discovered objects, seem to point to the fact that it belonged to a nomadic tribe, such as inhabited Asian steppes and mountains in the 2nd millennium B. C.; similar objects are often found in the Andronov and Afanasiev cultures (to the west of Xinjiang), considered by many researchers as proto-Tocharian. Their migration to Xinjiang was probably triggered by the ecological crisis of the steppes on the borders of the 3rd–2nd millennia B.C.

Created, as it is believed, by peoples of Indo-Iranian origin, the steppe Andronov culture (2nd half of the 2nd millennium B.C.) certainly influenced the Xihjiang culture which adopted its wheel transport, the horse and metallic objects. The XIII–IX centuries B.C. witness an increase in contacts with Fergana and the Seven Rivers region, proved by the discovery in East Turkestan of numerous metallic objects coming from the Seven Rivers metallurgic area. The complex of Agershen is especially interesting in this respect.

East Turkestan could also serve as a buffer between the Eurasian steppes and China. The Shang burials (XIV–XIII centuries B.C.) reveal a significant number of objects of obviously Andronov origin. The nature of these objects shows us that Shang China's contacts with the steppe tribes had a political rather than economical character.

The cartographic analysis of sources allows us to reconstruct the ways of migration. One road connected the steppes and oases of East Turkestan with the Altai (the North March); another one (the most convenient and used up to the XX century) led from Turfan to Kyrghyzia and Fergana; the South March crosses Bactria with its rough, but nevertheless not impervious mountain passes and descended into the valley of the Ind. These marches, laid out in the 2nd millennium B.C., proved optimal and were later incorporated into the Silk Way.

© 1999 г.

## ПЕРВЫЕ ИСТОРИКИ ГРЕЦИИ: ИСТОРИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ

Если история, или, скорее, ее написание, начинается в Месопотамии, когда Аккадская монархия (2270–2083 гг. до н.э.), объединив под своей властью страну, впервые обратилась к писцам, чтобы написать ее историю<sup>1</sup>; если Книга древнего Израиля, до краев наполненная воспоминаниями, в основе своей предстает как книга по истории<sup>2</sup>, – то как же греки? Не окажутся ли всего навсего «опоздавшими» те, кто теснились по своим уголкам далеко на окраине Востока и кого вся многовековая традиция вплоть до наших дней тем не менее неизменно изображала «первопроходцами», – ибо разве не была Греция местом всех начал? И разве не стал Геродот, по крайней мере после Цицерона и с его легкой руки, отцом истории?

Да, бесспорно, они пришли с опозданием, да к тому же и письменность обрели довольно поздно, лишь в относительно недавнее время (в VIII в. до н.э.), приспособив сиро-финикийский алфавит. Зато именно у них, и как раз вместе с Геродотом, возникла фигура историка, отмеченная личностными, «субъективными» чертами. Не связанный непосредственно с какой-либо политической властью, не управомоченный ею, Геродот с первых же слов определенно и резко заявляет свои права на повествование, которое начинается с его собственного имени, стоящего в родительном падеже: «Геродота из Галикарнасса вот...» (как это раньше уже делал Гекатей из Милета, а после сделает Фукидид из Афин, но оба – и Гекатей, и Фукидид – использовали

<sup>1</sup> *Glassner J.J. Chroniques mésopotamiennes. P., 1993. P. 20–22.* Можно также упомянуть Дальний Восток и первые китайские хроники, например, самые древние из сохранившихся летописи царства Лу (722–481 гг. до н.э.).

<sup>2</sup> *Yerushalmi J.Y. Zakhor. Histoire juive. Mémoire juive. P., 1984.*